

II.

Войско Ивана.

Московское государство не знало феодализма. Однако, его военная организація въ то время была чисто феодальной, по крайней мѣрѣ, въ своихъ существенныхъ чертахъ. Слѣдомъ подобной организаціи во Франціи оставалось только такъ называемое народное ополченіе. Въ сущности то были всего на всего какихъ-нибудь двѣ-три тысячи человѣкъ; конечно, то были совершенные пустяки рядомъ съ постоян-

нымъ, регулярнымъ войскомъ—единственнымъ, которое знаетъ новое время. Что касается московскаго государства, то Иванъ только приступалъ къ созданію извѣстнаго контингента регулярныхъ силъ. Ядромъ ихъ должно было явиться *стрѣleckое войско*. Имя стрѣльцовъ впервые выступаетъ во время похода на Казань въ 1552 году. Какъ показываетъ само имя, стрѣльцы были стрѣлками изъ пищалей; они набирались изъ свободныхъ сословій и должны были служить всю жизнь. Въ большинствѣ, они были женаты и представляли особую касту, гдѣ воинское званіе передавалось по наслѣдству. Вооружены и снаряжены стрѣльцы были по европейскому образцу. Они получали по рублю на постройку дома и столько же годового жалованія. Помимо того, имъ выдавались платье, порохъ и нѣкоторое количество муки съ крупю. Когда оказалось, что этого недостаточно, правительство рѣшилось надѣлять стрѣльцовъ землею. Одновременно съ тѣмъ, стрѣльцамъ дозволялось заниматься различными подсобными промыслами. Въ общемъ, правительство имѣло въ виду постепенно слить стрѣльцовъ со служилымъ сословіемъ. Въ концѣ царствованія Ивана IV стрѣльцовъ насчитывалось 12,000; изъ нихъ 7500 стояли въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ городовыми козаками стрѣльцы составляли первую регулярную пѣхоту, какой обладали русскіе цари. Одновременно было организовано постоянное артиллерійское войско: оно дѣлилось на пушкарей (канонировъ), зачинщиковъ (крѣпостные артиллеристы), гранатчиковъ (гренадеры) и т. д. Наконецъ, при Иванѣ же былъ составленъ особый отрядъ пищальниковъ.

Все это, однако, не составляло еще арміи. Кадромъ вооруженныхъ силъ были попрежнему служилые люди. Рядомъ съ ними стояла такъ называемая *рать*. То былъ другой зачатокъ регулярнаго войска. Въ военное время, съ одной стороны, государство созывало служилыхъ людей; съ другой—оно приказывало произвести наборъ. Это значило, что извѣстный городъ, область или уѣздъ должны были выставить опредѣленное количество пѣшихъ или конныхъ людей, которые набирались уже не изъ воинскаго сословія. Такъ составлялись *рать* или *посога*; въ томъ походѣ, который былъ предпринятъ Иваномъ съ цѣлью отбить городъ Полоцкъ у поляковъ, участвовало 8000 такихъ *посошанъ*. Конечно, они не представляли собою дисциплинированнаго войска, которое могло бы съ честью дѣйствовать на полѣ сраженія. Поэтому обыкновенно посошныхъ людей употребляли для земляныхъ работъ или для приготовления воинскихъ припа-

совъ. Впрочемъ, московское правительство допускало—и даже весьма охотно—освобожденіе этихъ ратныхъ людей отъ службы за деньги. Обыкновенно, за это платили по два рубля съ человѣка. Такимъ образомъ создавался какъ бы новый налогъ.

Мобилизація вооруженныхъ силъ производилась по распоряженію *Разряда*, который извѣщалъ объ этомъ мѣстныхъ воеводъ. Въ распоряженіи указывались и число потребныхъ людей, и сборныя мѣста, и необходимое вооруженіе. Со времени Ивана IV служилые люди—бояре, дѣти боярскія и дворяне дѣлились на 5 полковъ: большой полкъ, передовой полкъ, правая рука, лѣвая рука и сторожевой полкъ. Если царь принималъ участіе въ походѣ, то къ прочимъ военнымъ силамъ присоединялась еще царская дружина. Большой полкъ дѣлился на три, а два другіе—на двѣ части, которыя въ свою очередь распадались на сотни. Полки находились подъ командою воеводъ; ихъ части—подъ начальствомъ помощниковъ въ чинѣ того же воеводъ; сотнями командовали дворяне высшаго ранга. Въ отсутствіе царя, все войско подчинялось дворцовому воеводѣ. То былъ *magister militum* древнихъ римлянъ или современный генералиссимусъ. Его окружалъ многочисленный штабъ. Тутъ были сборщики (собиравшіе войско), окладчики (дѣлившіе военныя силы), посыльные люди (нѣчто въ родѣ адъютантовъ), становщики (инженеры). Сюда же относились иноземные спеціалисты осаднаго дѣла, а также судьи, лекари и духовенство.

Какова же была численность такого войска? Что касается 1552 г., то мы не имѣемъ точныхъ указаній на этотъ счетъ. Но въ 1556 г. передовой полкъ, въ полномъ составѣ, заключалъ въ себѣ всего 1500 конныхъ людей. Въ 1578 г., правда, усиленное татарской конницей, войско, шедшее походомъ въ Литву, имѣло въ своихъ рядахъ всего на всего 39.681 человѣкъ. Эти силы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

Русскихъ и черкесскихъ князей.	212
Бояръ и дѣтей боярскихъ изъ московской области.	9200
Служилыхъ людей новгородскихъ и юрьевскихъ	1109
Татаръ и мордвы.	6461
Стрѣльцовъ московскихъ.	2000
Стрѣльцовъ и казаковъ мѣстныхъ.	13119
Посошныхъ людей изъ сѣверныхъ областей.	7580

Во всякомъ случаѣ, нѣкоторую часть наличныхъ вооруженныхъ силъ государства Ивану пришлось, повидимому, оставить для охраны границъ. Зато, съ другой стороны, каждый бояринъ, являвшійся на службу, приводилъ съ собою, по крайней мѣрѣ, двухъ ратныхъ людей со своего помѣстья, а иногда—до 50-ти и даже больше. Одинъ изъ иноземныхъ путешественниковъ по тогдашней Руси, Клементъ Адамсъ, говоритъ, что подъ знаменами царя Ивана могло собраться до 90.000 человекъ. Впрочемъ, изъ этого количества царь взялъ съ собой въ походъ только одну треть; остальные двѣ онъ принужденъ былъ оставить для сторожевой службы по своимъ крѣпостямъ. Нельзя не отмѣтить полного совпаденія этихъ данныхъ съ тѣми цифрами, какія сообщаютъ намъ списки 1578 года.

За исключеніемъ стрѣльцовъ, специальныхъ отрядовъ и посонныхъ людей, все это войско представляло собой одну лишь конницу. Однако, вооруженіе этихъ силъ было въ высшей степени разнообразно. Правда, еще во времена Ивана IV, излюбленнымъ орудіемъ большинства русскихъ воиновъ были лукъ и кривая сабля, наподобіе турецкой. Только немногіе замѣняли ихъ пищалями или пистолетами. Топоръ, висящій на сѣдельной лукѣ, кинжалъ, а также копье дополняли походное вооруженіе. Броню въ то время носили очень немногіе. Только самые знатные вельможи красовались порою въ великолѣпныхъ латахъ и кольчугахъ; въ такомъ случаѣ они надѣвали также шлемы или шишаки. Всадники обходились безъ шпоръ, которые замѣнялись плетью. Сидя на конѣ, всадникъ держалъ въ лѣвой рукѣ поводья и лукъ; правая рука его сжимала саблю и плеть. Разумѣется, когда ему приходилось стрѣлять, онъ бросалъ и саблю и плеть, которыя свѣшивались внизъ на ремнѣ. Какъ только непріятель подходилъ на разстояніе выстрѣла, русское войско осыпало его тучею стрѣлъ; затѣмъ, не взирая на то, держится ли врагъ или поддался, оно тотчасъ отступало само, не дожидаясь встрѣчи. Вотъ почему въ открытомъ полѣ русская конница никогда не могла устоять передъ польскими эскадронами, которые, какъ разъ наоборотъ, были приучены ударять на врага со всею силою. Главнымъ достоинствомъ русскихъ были выносливость и легкость передвиженія. Лошади ихъ были по большей части очень мелки; къ тому же ихъ не ковали, и сбруя на нихъ была очень неудобна. Но русскіе всадники совершали на этихъ конькахъ огромные переходы, свободно вынося величайшую усталость и самыя тяжелыя лишенія. Мы ясно представляемъ

ихъ себѣ по описаніямъ Адамса и Ченслера. Мы видимъ, какъ они располагаются на отдыхъ въ глубокомъ снѣгу, разводять огонекъ и довольствуются ужиномъ, приготовленнымъ изъ горсти муки, растворенной въ кипящемъ котелкѣ. Намъ рассказываютъ, какъ они затѣмъ располагаются на ночлегъ, завернувшись только въ верхнее платье и подложивъ себѣ камень подъ голову. Англійскій путешественникъ спрашиваетъ себя, многіе ли изъ воиновъ его родины, не исключая наиболѣе извѣстныхъ своей доблестью, были бы способны хотя бы одинъ мѣсяцъ воевать съ такими закаленными людьми? Естественно, онъ приходитъ къ заключенію, что если бы русскіе знали свою силу, никто ни могъ бы оказать имъ сопротивленія.

Но выносливость еще далеко не все, что нужно для войска. Войска Ивана были плохо обучены и недостаточно подчинялись дисциплинѣ. Въ сущности, они не знали даже элементарныхъ основъ военнаго дѣла. Внезапно напасть на врага; окружить его силами, въ два-три раза превосходящими его собственныя; оглушить его крикомъ и ужасающимъ концертомъ своихъ трубъ и бубенъ,—вотъ, единственная боевая тактика, которую знали русскіе. Конечно, по своему, они были храбры, поскольку оставались трезвыми. Даже тогда, когда сила ихъ бывала сломлена и имъ угрожало пораженіе, они рѣдко просили пощады. Но опрокинуть ихъ не представляло труда. Словомъ, они были совершенно безпомощны въ смыслѣ правильныхъ стратегическихъ приѣмовъ; не лучше были они подготовлены и къ веденію осады, которая предстояла имъ подъ стѣнами Казани. Зато въ оборонѣ своихъ укрѣпленій они едва ли знали соперниковъ. Разъ они были за стѣнами, и имъ нельзя было спастись бѣгствомъ,—они обнаруживали рѣдкую стойкость. Безропотно переносили они стужу и голодъ; тысячами погибали на своихъ деревянныхъ и земляныхъ укрѣпленіяхъ, которыя постоянно возобновлялись ихъ усиліями; сдавались они лишь въ послѣдней крайности... Вотъ почему въ русскомъ войскѣ широко примѣнялись переносныя укрѣпленія. Они сколачивались изъ досокъ въ видѣ щита съ отверстіями для ружейныхъ дулъ. Эти сооруженія назывались *гулай-городами*. Этимъ же предпочтеніемъ къ оборонительной тактикѣ объясняется и удивительно раннее развитіе у русскихъ сильной артиллеріи.

Первыя пушки были привезены въ русское государство изъ Европы. Но уже при Иванѣ III иноземные литейщики начали выливать пушки и въ Москвѣ. До сихъ поръ въ петербургскомъ арсеналѣ хранится

одно изъ орудій этого мѣстнаго производства; оно двухъ-фунтоваго калибра, съ датою 1485 года. При Иванѣ IV эта русская артиллерія уже усвоила себѣ послѣднія слова тогдашней европейской баллистики. Мы видимъ въ ея составѣ серпантины, называющіяся здѣсь *змѣями*; мы находимъ фальконеты (*сокольники*) и различныя мортиры—въ родѣ *гаубицъ* (гаубиць) или *волкометокъ*. По свидѣтельству Флетчера, ни у одного государя христіанскаго міра не было тогда подобнаго множества орудій. Въ 1557 году Дженкинсонъ любовался упражненіями русскихъ канонировъ, которые отличались другъ передъ другомъ въ быстротѣ и вѣрности орудійнаго прицѣла.

Лѣтописи утверждаютъ, будто къ стѣнамъ Казани Иванъ привезъ въ 1552 году 150 пушекъ. Несомнѣнно, эта цифра преувеличена. Не менѣе сомнительно и сообщеніе о 150.000 человекъ, которые составляли будто бы армію Ивана. Однако, во всякомъ случаѣ, безспорно, что на этотъ разъ царь долженъ былъ выступить въ походъ со значительными силами. Конечно, чтобы рѣшиться на это предпріятіе, Ивану нужно было серьезное усиліе воли. Забудемъ даже о его нерасположеніи ко всякимъ случайностямъ войны, что было столь характерно для подлиннаго Рюриковича. Другіе мотивы удерживали Ивана въ Москвѣ. Супруга его должна была скоро разрѣшиться первымъ ребенкомъ; далѣе—просьбы казанцевъ о помощи отъ крымцевъ не остались напрасными: полчища новаго хана, Девлетъ-Гирея уже обступили Тулу. Однако, молодой царь не измѣнилъ своего рѣшенія. Тула держалась стойко,—и уже 13 августа Иванъ былъ въ Свіязскѣ. Здѣсь его присутствіе оказалось болѣе дѣйствительнымъ, нежели крошеніе святою водою и подчиненія митрополита Макарія. 23-го августа Иванъ стоялъ подъ Казанью.
